

Общественно-гуманитарное направление

УДК 82-3(571.6)

DOI 10.24412/2409-3203-2021-25-187-192

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ ПРИРОДЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Васильева Татьяна Владимировна

старший преподаватель кафедры русской филологии
ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет
Россия, г. Хабаровск

Аннотация: В статье рассматриваются типологические черты в образах персонажей, воплощающих образ человека в мире природы (образ «трудового» человека, образы представителей малых народностей Сибири и Дальнего Востока). Анализируются образы, представленные в творческом наследии О. М. Куваева, Ю. А. Шестаковой, Г. А. Федосеева, В. П. Сысоева. В статье также рассматриваются предпосылки обращения к теме человека и природы во второй половине 20 века. Высказывается мысль о «созидательном начале» в образах человека, обусловленном мировоззрением поколения, пережившим Великую отечественную войну. В исследовании проводится мысль о литературной преемственности в образной дуальности персонажей («люди труда» – геологи, изыскатели, охотоведы / «естественные» люди – представители малых народностей, наделенные мифологическим сознанием), а также о константности мотивов, раскрывающих образы персонажей.

Ключевые слова: проза о Дальнем Востоке, образы человека и природы, персонаж, философия природы, мифопоэтика.

THE IMAGE OF A MAN IN THE WORLD OF NATURE IN THE FAR EASTERN PROSE OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Vasilieva Tatiana Vladimirovna

senior lecturer Department of Russian Philology
Pacific National University
Russia, the city of Khabarovsk

Abstract: The article examines the typological features in the images of characters who embody the image of a person in the natural world (the image of a "working" person, images of representatives of small nation of Siberia and the Far East). The images presented in the creative heritage of O. M. Kuvaev, Yu. A. Shestakova, V. G. Fedoseev, V. P. Sysoev are analyzed. The article also examines the prerequisites for addressing the topic of man and nature in the second half of the 20th century. The idea is expressed about the "creative beginning" in the images of a person, conditioned by the worldview of the generation that survived the Great War. The article also discusses the idea of literary succession in the figurative duality of characters ("people of work" - geologists, prospectors, game experts / "natural" people - representatives of small nations endowed with mythological consciousness), as well as the constancy of motives that reveal the images of characters.

Keywords: name of the shop, advertising nomination, metaphorical model, phrase, cognitive linguistics, linguistic and creative activity.

Переосмысление общественно-идеологической позиции в отношении понимания взаимоотношений «человек-природа» годы начинается в 50-е годы. До этого времени в общественном сознании доминировала концепция агрессивно-потребительского антропоцентризма, где человек рассматривался как внеприродный объект, преобразователь, «царь» природы, а природа рассматривалась как неодушевленный склад ресурсов и богатств, которые человек труда мог и даже должен был использовать в соответствии с волей и желанием. Это накладывало отпечаток на идейно-художественные оценки темы человека и природы в литературе. Как отмечает Л. В. Гурленова: «понятие “чувство природы”, проявляющееся в художественном произведении в натурфилософских размышлениях, в развитости образа природы, его многофункциональности, подверглось резкой критике. Оно воспринималось как нечто отжившее свой век, идеологически вредное и получило в критике соответствующие “ярлыки”: писателей с выраженным чувством природы обвиняли в натуралистически-биологической трактовке явлений действительности, в пропаганде патриархальности, в утверждении бесплодности человеческих дерзаний, в нежелании отражать социалистическую современность» [1]. Однако, исследователь замечает, что для этого периода характерны противоположные тенденции в критике и литературе: «В литературе тема природы, несмотря ни на что, не только сохранялась, но и интенсивно развивалась, обогащаясь новыми идеями и художественными открытиями, в критических же исследованиях литературного процесса понятие “чувство природы” игнорировалось или представлялось как неблагонадежное по отношению к государственным интересам» [там же]. В послевоенные годы, когда требовались природные ресурсы на восстановление страны, происходит расцвет природно-хозяйственной деятельности на территории Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Ставится идеологическая задача воспевания человека труда, взаимодействующего с природой – геологов, изыскателей, ученых-натуралистов, охотников и охотоведов, лесников и т. д. В экспедиционной путевой прозе ставится задача этнографического и литературного описания. Об этом упоминается в повести Ю. Шестаковой «Новый перевал»: *«Участникам экспедиции предстоит составить физико-географическое описание района, изучить климатические особенности хорской долины. Надо посмотреть запасы ценной древесины для лесной промышленности. Энтомолог по своей линии должны установить зону распространения клещей и комаров – переносчиков энцефалит...Мы считаем, что этнографическое и литературно-художественное описание природы, жизни, быта народностей, населяющих этот район, составляют одну из задач экспедиции. Ландшафт пейзажи...Этим займутся живописцы»* [8]. Эта комплексное взаимодействие специалистов в познании природы, взаимодействие ученых и людей с художественным восприятием природы, многие из которых впоследствии становились профессиональными писателями (корреспондент Ю. А. Шестакова, охотовед В. П. Сысоев, охотовед-биолог С. П. Кучеренко, геолог О. М. Куваев, геодезист Г. А. Федосеев), обусловило своеобразие литературы о дальневосточной природе и людях, осознающих себя ее частью.

В этот период в понимании зарождаются предпосылки к возникновению натурфилософской «деревенской» прозы 60-х-80-х годов. Предметом изображения становится поколение, прошедшее войну, осознающее ценность жизни и смерти, ответственность человека за свою разрушительную деятельность, понимание, что вмешательство в природу не совершенствует нравственную природу человека. Осознание бессмертности и гармоничности жизни природы приводит к мысли о бессмертности человека в философском смысле (значимости каждой человеческой жизни в едином потоке жизни), осознание человека не как внеприродного объекта, а как части живого природного мира, что порождает ответственность перед вечным миром природы.

В литературе о Дальнем Востоке это поколение послевоенного времени с тонким чувством природы прекрасно и с болью, оставленной войной, изображается в романах О. Куваева, Ю. А. Шестаковой, В. П. Сысоева, и других. Жизнь и работа в условиях дикой природы Сибири, Дальнего Востока и Севера в послевоенное время, с общей идеей блага созидания жизни, стало своеобразным лекарством для человека послевоенного времени. Мысль о созидательной работе в трудных природных условиях, наедине с природой, стало способом устранения «зла» в мире. Эта мысль, например, подчеркивается в романе О. М. Куваева «Территория» (Территория – топоним, позволяющий рассматривать под собой условно-обобщенный образ малоосвоенных территорий восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Прототипом Территории был п. Певек и неосвоенные территории Чукотки) в монологе Копкова: *«Но зачем, думаю, в мире от древних времен так устроено, что мы сами смерть ближнего и свою ускоряем? Войны, эпидемии, неустройство систем. Значит, в мире зло. Объективное зло в силах и стихиях природы, и субъективное от несовершенства наших мозгов. Значит, общая задача людей и твоя, Копков, в частности, это зло устранять. Общая задача для предков, тебя и твоих потомков. Во время войны ясно - бери секиру или автомат. А в мирное время? Прихожу к выводу, что в мирное время работа есть устранение всеобщего зла. В этом есть высший смысл, не измеряемый деньгами и должностью. Во имя этого высшего смысла стонут во сне мои работяги, и сам я скриплю зубами, потому что по глупости подморозил палец. В этом есть высший смысл, в этом общее и конкретное предназначение»* [4].

Работа в условиях первозданной дальневосточной природы, наедине с ней, являлась способом самопознания человека, зачастую вне рамок социальной идеологии – неважно, социалистической или потребительской: *«Прекрасна страна из желтой тундры, темных гор и блеклого неба. Прекрасно одиночество рекогносцировщика среди неизученных гор и долин. Прекрасно, что ты никогда не умрешь. В том, что он бессмертен, Баклаков ни на минуту не сомневался. Кроме того, он знал, что за спиной его всегда стоит старичок-лесовик, болотный бог, который ворожит ему в нужный момент. Сейчас Баклаков был доволен и весел, потому что находился один на один с собой, а значит, являлся именно тем, что он есть»* [там же]. Идейный антипод Баклакова Гурин объясняет свое пребывание на Территории отвращением к становящейся эпохе потребления: *«Пытаюсь отстоять свое «я» среди всеобщего забалдения. Ничего не хочу иметь, кроме себя»* [там же]. Примечательно, что именно Гурин поднимает вопрос о необходимости облачения опыта трудового человека (производственного, духовного и т. д.) в художественное слово, но не «телеграфное», со множеством идеологических штампов, а именно в классическое, «живое» слово: *«Чему ты учился шесть лет... Старики-классики писали геологические романы. Они давали завязку - фактический материал, они давали интригу - ход собственных мыслей, они давали развязку - выводы о геологическом строении. Они писали комментарии к точке зрения противников, они писали эссе о частных вариантах своих гипотез. И, кстати, они великолепно знали русский язык. Они не ленились описать пейзаж, так чтобы ты проникся их настроением, их образом мыслей. Так делали старики»* [там же]. В разговоре с корреспондентом Сергушовой он высмеивает социалистические штампы, с помощью которых предписывалось освещать «жизнь» геологов: *«Хотите, как Бендер, составлю матрицу для любой корреспонденции на местную тему? Торбаса, пурга, энтузиазм, снежные просторы, молодой задор, старый кочевник – Не хамите, это моя работа»* [там же]. Эта же мысль высказывается в рассказе Ю. А. Шестаковой «Живой тигр» (1964): *«Виталий Петрович любил тайгу. Он знал её заповедные места. Читая книги о Дальнем востоке, он ревниво подчеркивал в них описания природы и досадовал, если пейзаж не затрагивал душу. «Разве можно сравнить леса Подмосковья или Урала с нашей тайгой? Мало сказать, что она богатая, она просто необыкновенная. И незачем отпугивать слово «суровая», которое так полюбилось газетчикам. Не суровая, а удивительно разноликая и щедрая». – думал он, и часто в его воображении вставали буйные папоротники в*

человеческий рост, столетние ильмы, опутанные лианами, тополя в четыре охвата, пышные заросли дикого винограда, сквозь которые пробирается тигр» [8]. Некие «матрицы» в литературе о природе Дальнего Востока, о которых говорят персонажи, действительно имеют место быть. Однако, нам представляется, что это не столько штампы, сколько тематические и идейно-художественные константы, представляющие собой не только сквозные мотивы и образы, обусловленные предшествующей литературной традицией, но и образы и мотивы, возникающие их объективной картины природы Дальнего Востока, ее обитателей и людей, взаимодействующих в этом природном пространстве. Так, например, подобной константой является встречающееся в различных произведениях упоминание о контрастности Дальневосточной природы – смешении северной и южной флоры и фауны. так, например, В. П. Сысоев начинает свои «Заметки писателя»: *«Знаете ли в край, где виноград обвивает ель, а тигр охотится за северным оленем? Где рядом, словно в оранжерее или зоологическом саду, сосуществуют представители субтропиков и полярного круга?»* [6]. Ю. А. Шестакова в повести «Новый перевал» подчеркивает эту же мысль в космологической легенде удэгу о двух птицах, принесших в тайгу семена с севера и юга, объясняющую контрастность Дальневосточной природы: *«...И вот птица полетела. Когда возвращалась назад, от реки поднялся белый туман. В тумане столкнулась она с другой птицей. Та летела из-за теплых морей с семенами южных растений. Стукнулись они клювами и рассыпали все, что несли. С тех пор в горах Сихотэ-Алиня стал расти смешанный лес... наивное предание. Но мысль его обращена к загадкам природы. Контрасты хорских лесов удивительны. Здесь рядом с могучей елью тянется к солнцу изящный ствол амурского бархата; по соседству с белой березой растет актинидия, плоды которой у нас называют кишмишем. Жители юга и севера сошлись на одной земле, не споря друг с другом. Виноградные плети взбираются кверху по кедром, по пихтам и, цепляясь за их мохнатые ветви, образуют пышные заросли. Осенью к синим гроздьям протягивает лапу медведь»* [8]. Константой дальневосточной литературы, осмысляющей проблемы философии природы, являются также образы «естественных людей» в прозе Ю. А. Шестаковой, Г. А. Федосеева, В. П. Сысоева, О. М. Куваева являющимися приемниками В. К. Арсеньева с его образом «лесного» человека Дэрсу Узала. Главным качеством «природных» людей в изображении писателей-дальневосточников становится их способность к тонкому чувству природы, которое является способом самопознания и осмысления мира. Натурфилософские воззрения малых народностей, раскрывались как национальных литературах Дальнего Востока (чукотской, нанайской, удэгейской и т. д.), так и в русской литературе, представившей ярчайшие образы коренных жителей Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера с их уникальной культурой и особенным внутренним миром, основанном на тонком чувстве природы и философии всеединства сущего. Так, например, в романе «Территория» О. Куваева поднимается проблема искаженного восприятия русскими представителей малых народностей как экзотичных, с чуждинкой (подобное восприятие народа удэге русскими подробно описывает и Ю. А. Шестаковой в повести «Новый перевал»), подчеркивается отсутствие понимания их глубинной философии, которую, как оказалось, способны перенять только люди, тесно взаимодействующие с ними в трудных природных и жизненных условиях: *«Спустя многие годы, во времена баклаковской славы, к нему специально прилетел столичный писатель с заданием написать очерк для центральной газеты. Писатель побывал у пастухов. В кабинете у Баклакова писатель самозабвенно рассказывал, как он примерял кухлянку, ел сырое мясо, видел, как шкуры выделывают мочой - с таким состраданием хорошо ухоженного человека демонстрировал брезгливость, что Баклаков не выдержал. «Хорошо бы статьи о ваших книгах начинать с покроя ваших штанов. А изложение ваших идей с сорта зубной пасты», – сказал он. Потом Баклаков долго успокаивал себя: «Брось, Серега. Брось и забудь». Ему было очень обидно за Къе и за его народ, который Баклаков искренне считал великим народом. Ему было очень обидно, что он технар и не может*

изложить идею великого единства всего живущего на земле. Допустим, инженера Баклакова и оленегонной лайки Умички» [4]. В натурфилософии малых дальневосточных народностей природа является мерилем всех явлений, прежде всего, человеческой жизни: «Память Къяе хранила запахи трав, льда, весеннего снега, полет заиндевшего от мороза ворона и его хриплый крик над снегами, падение сбитого выстрелом волка, вкус оленьего мяса, крови и вкус молодых оленьих рогов. Еще память Къяе ежедневно и ежечасно хранила грустное признание неизбежной смены снегов, дождей и человеческих жизней. Больше всего Къяе поражала именно неотвратимость замены. Остановить ее невозможно, как невозможно ладонями задержать горный обвал». Красота человека осмысливается через образы природы: «Она двигалась бесшумно и быстро, как горностай. И гладкой и вся фигура ее была обтекаемой, точно у горностая» ; «Тело Тамары было смуглым, спортивные трусики белыми, на смуглых ногах красные спортивные тапочки, и волосы, черные и блестящие, как утренняя вода в торфяных озерах. Красиво» [там же]. Хронотоп человеческой жизни понимается как смена времен года и вариаций пространства: «Къяе думал о Времени. Когда он думал о веренице прожитых лет, о том времени, когда не было еще самого Къяе, но уже был отец, о еще более раннем, когда не было и отца, но был народ Къяе, он всегда представлял себе вереницу холмов в тундре. Холмы в аналогии Къяе были событиями которые, в сущности, составляют Время. Без событий нет Времени – это Къяе знал твердо. Если даже представить нечто отдаленное как шепот умершего, то и тогда были события, а значит, было и Время. Холмы составляют тундру. Тундру можно сравнить с жизнью, с безбрежным ее пространством. Такова была схема жизни, пространства и времени, выработанная пастухом Къяе, и она вполне устраивала его. Одни холмы затеяют другие, из-за ближних не видно дальних холмов, точно так же обстоит дело с событиями. И между холмами существуют закрытые отовсюду низины, а вовсе дальние холмы исчезают в воздухе, как теряется, слабеет и тонет дальняя память» [там же]. Эта философия всеединства, с одной стороны перенятая у коренных жителей Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, с другой стороны, являющейся глубинной частью русского национального менталитета, становится основой натурфилософской «деревенской» прозы 70-90 годов, в которой герои, так или иначе взаимодействующие с миром природы (деревенские жители, лесники, охотники и т.д.).

В представлении образов персонажей из числа малых коренных народностей (Къяе у О. М. Куваева, Карарбах и Улукиткан у Г. А. Федосеева, образы удэгейцев у Ю. А. Шестаковой, Сафронова (нигидалец), Ботракина (эвенк), Юкамзана (нанаец), Ходжера (нанаец), Семена Кимонко (удегэ) у В. П. Сысоева) наблюдается ряд художественных констант. Во-первых, указание на возраст персонажей. В отличие от традиций американской и европейской литературы герои изображаются немолодыми, что с одной стороны указывает на опытность этих персонажей, с другой стороны представляется реализацией архетипического образа «мудрого старика-проводника». Во-вторых, в след за В. К. Арсеньевым в представлении образов «естественных людей» большое значение имеет этнографизм (сохранение национального колорита в изображении предметов быта, культурных артефактов, ритуалов) и мифопоэтизм (анимистическое понимание природы, а также введение в ткань повествования легенд, сказок, песен). Но в отличие от прозы первой половины 20 века, в которой между персонажами-европейцами и «лесными людьми» была цивилизационная пропасть, в прозе второй половины 20 века, персонажи из числа коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока равноправны с русскими героями-охотниками, воспринимающими «естественных людей» как более опытных охотников-следопытов и взаимодействующими с ними в едином пространстве дальневосточной тайги.

Таким образом, можно заключить, что во второй половине 20 века в произведениях О. М. Куваева, Ю. А. Шестаковой, Г. А. Федосеева, В. П. Сысоева образ человека в мире природы представлен в двух планах: 1) образ «трудового» человека-созидателя,

осваивающего территории Дальнего Востока, Восточной Сибири и Крайнего Севера (персонажи-геологи, ученые, охотоведы и т.п.); 2) образы «естественных людей» из числа коренных малочисленных народов, наделенных тонким чувством природы, опытом гармоничного взаимодействия с миром природы в рамках мифопоэтического мировоззрения. Взаимоотношения между этими типами персонажей и взаимное понимание мира «другого» организуют художественный мир произведений о человеке и природе в дальневосточной прозе второй половины 20 века.

Список литературы:

1. Гурленова Л. В. Чувство природы в русской прозе 1920—1930-х гг. / Л. В. Гурленова // Сыктывкар: Сыктывк. гос. ун-т, 1998. – 179 с.
2. Головнева Е. В., Мартишина Н. И. Владеть Востоком: Конструирование образа региона в творчестве В. К. Арсеньева / Е. В. Головнева // Сибирские исторические исследования. – ТГУ, 2018. – С. 201.
3. Епанчинцев Р. В. Оппозиция Север - Цивилизация как характеристика художественного пространства в повестях О Куваева / Р. В. Епанчинцев // Вестник Северного международного университета. – Магадан: Изд-во СМУ, 2006. – Вып. 7. – Ч 2. – С 34-37.
4. О. М. Куваев. Территория / О. М. Куваев // М.: Профиздат, 1978. – 249 с.
5. Н. И. Новикова. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии / Н.И. Новикова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 2014. – 407 с.
6. Сысоев В. П. Избранное: в 3 т. / В. П. Сысоев. – Т.1. – Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2013. – 304 с.
7. Федосеев Г. А. Злой дух Ямбуя. / Г. А. Федосеев – М.: Молодая гвардия, 1966. – 349 с.
8. Шестакова Ю. А. Новый перевал: Очерки и рассказы. – Иркутск: Област. гос. изд., 1951. – 318 с.
9. Яроцкая Ю. А. Мотив помощи и образы помощников в текстах В. К. Арсеньева / Ю. А. Яроцкая // Ойкумена. – Находка, 2017. – № 3 – С. 65-73.

